

С.В. Полин

ОБ ОГРАБЛЕНИИ СКИФСКИХ КУРГАНОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Статья посвящена различным вопросам связанным с ограблением курганов скифского времени.

Ключевые слова: скифы, курганы, грабители, ограбление курганов, мотивы ограбления.

С начала раскопок скифских курганов в Северном Причерноморье археологи столкнулись с фактом ограбления подавляющего большинства скифских могил. По подсчетам А.М. Хазанова и Е.В. Черненко по 6 могильникам степной Скифии ограбленность курганов в них составила от 70 до 100 %. Причем нетронутыми остались наиболее бедные захоронения [Хазанов, Черненко, 1979, с. 18].

С тех пор были исследованы десятки новых скифских могильников, в которых открыты сотни погребений, и база данных возросла во много раз. Поэтому вернемся к этой проблеме повторно и попробуем вновь проанализировать, кто, когда, как и с какой целью грабил скифские курганы в Северном Причерноморье.

1. КТО И КОГДА?

По заключению А. Ашика в Керчи курганы без внешних признаков ограбления, когда курган сохранял внешне целостную форму и грабительская воронка давно заплывла грунтом, были ограблены во времена древних греков — современников захоронений, а курганы, имевшие видимые воронки на поверхности, были ограблены в позднее время генуэзцами и турками [Ашик, 1848, с. 32—33].

Участие современников, возможно непосредственных свидетелей и участников погребальных церемоний или их ближайших

потомков, в ограблении скифских курганов предполагается многими исследователями и часто подтверждается фактами, открываемыми в процессе раскопок. Устройство многих грабительских ходов предполагает точное знание местонахождения гробниц в курганах, их глубин, наличия в них драгоценных изделий [Герц, 1876, с. 4; Забелин, 1908, с. 286; МРЗ, с. 141; Спицын, 1910, с. 66; Бобринский, 1910б, с. 63; Артамонов, 1935, с. 142; Руденко, 1960, с. 103—104; Березовец, 1960, с. 88; Граков, 1971, с. 71]. Особенно это справедливо для боковых впускных гробниц в больших скифских курганах, которые без знания точного их расположения невозможно обнаружить с поверхности кургана. Не вызывает сомнений ограбление боковых гробниц Гаймановой Могилы, Мелитопольского кургана, Соболевой Могилы и Огуза современниками [Хазанов, Черненко, 1979, с. 19; Мозолевский, Полин, 2005, с. 152; Бидзиля, Полин, 2010, с. 78—100].

Высокий процент скифских курганов, ограбленных современниками, квалифицированность проделанной работы при ее весьма большой трудоемкости позволяют предполагать существование в скифское время групп профессиональных грабителей [Хазанов, Черненко, 1979, с. 22].

А.М. Хазанов и Е.В. Черненко по находкам костей животных, пропитанных бронзовыми окислами в результате пребывания в бронзовом котле, а также позеленевших костей ног человека в результате былого наличия на погребенном бронзовых поножей, предполагали значительный промежуток между временем совершения захоронений в Страшной и Толстой могилах и их ограбления и относили эти

ограблення к сарматському часу¹ [Хазанов, Черненко, 1979, с. 23]. Оба ограблення здійснені першим способом, найбільше характерним для скифського часу. Насколько длительным мог быть промежуток времени, достаточный для позеленения костей животных в результате пропитывания окислами при пребывании в бронзовом котле или человека при наличии на его ногах бронзовых поножей, дает ответ ограбление впускной Северной гробницы 1 Гаймановой Могилы. Здесь в заполнении грабительского хода, помимо различных вещей, также были найдены кости животных зеленого цвета, пропитанные бронзовыми окислами, выброшенные грабителями из котла. Северная гробница Гаймановой Могилы была ограблена, когда потолок катакомбы еще стоял целым, и грабители имели возможность внимательно, без помех очистить от драгоценностей захоронения основных покойников 2—5, не тратя времени на захоронения слуг и лошадей, а также хозяйственную нишу² [Бидзиля, Полин, 2010, с. 79, рис. 100; 113]. Потолок весьма значительной по площади камеры Северной гробницы, превышавшей 15 м², подрезанный со всех сторон двумя входными ямами и двумя нишами, не мог оставаться целым сколько-нибудь длительное время. Хотя и сложно точно рассчитать этот промежуток до полного обвала, но в любом случае он не превышал 5—10 лет. Что, как выяснилось, оказывается вполне достаточным для пропитывания окислами костей животных в котле и приобретения зеленого цвета. Еще одно косвенное соображение указывает на краткость этого промежутка — пропитывание костей окислами в котле происходило в результате пребывания костей в жидкости (в мясном бульоне), для высыхания которого также не нужно слишком много времени, даже в условиях пониженной температуры изолированного подземелья. Также и пропитывание костей человека бронзовыми окислами поножей наиболее интенсивно могло происходить только пока сохранялась влажная мякоть мяса, окислявшая металл. По данным судебной медицины разложение мягких тканей с сохранением связок и хрящей длится от 3—6 месяцев до 1 года, полное скелетирование — от 1 года до 5

и более лет [Нелин, 2001, с. 317—321]. Можно полагать, что в пустых, свободных от грунта камерах процессы разложения под воздействием воздуха шли достаточно быстро. И процесс пропитывания окислами костей человека успешно завершился в эти 5 лет, а возможно, и ранее, и, соответственно, вторжение грабителей произошло в этот же промежуток времени.

Таким образом, и захоронения с пропитанными окислами костями были ограблены вскоре после их совершения, буквально через несколько лет. То обстоятельство, что в Северной гробнице 1 Гаймановой Могилы сохранился тайник, видимо, указывает на неполную информированность грабителей о погребении. Безусловно, закладка вещей в тайник совершалась в глубокой тайне, без какой бы то ни было огласки.

Для средневековья известно несколько случаев размещения впускных половецких погребений в скифских курганах, непосредственно в катакомбах скифских погребений (курган 1 у пгт Новотроицкое, курган 1 у с. Богдановка, курган 5 у с. Новокаменка и др. на Херсонщине — раскопки А.И. Кубышева в 1974—1976 гг.), на Николаевщине [Кубышев, Орлов, 1982, с. 241], возле Большого Токмака на р. Молочной [Смирнов, 1960, с. 177], в районе Скадовска [Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 253] и на Керченском полуострове [Хазанов, Черненко, 1979, с. 20]. Во всех этих случаях половцы впускали захоронения в центр курганов и случайно попадали на входные ямы скифских центральных захоронений. При том, что погребения половцев даже высокого статуса в этих районах не отличаются значительной глубиной (не более 2 м), в этих случаях прокапывались скифские входные ямы на всю их глубину (толща насыпи кургана + до 5 м в материке) и половецкие покойники размещались в опустошенных камерах скифских катакомб. Возможно участие половцев в грабеже этих скифских могил, если только они не были опустошены до них ранее, еще в скифское время.

Венецианские купцы, проживавшие в Танаисе (средневековой Танае), в 1437—38 гг. в поисках мифического аланского сокровища с помощью 120—150 землекопов предприняли безрезультатные раскопки, как они полагали, большого кургана Контобе в районе Кобякова городища. По весьма характерным деталям, сохранившимся в описании этой операции Иосафато Барбаро, сейчас стало понятным, что незадачливые кладоискатели безуспешно копали культурный слой Кобякова городища [Барбаро, 1971, с. 137—140, 166; Косяненко, 2008, с. 10—11; Каменецкий, 2011, с. 12—13]. Тем не менее, как уже отмечалось выше, А. Ашик подозревал венецианцев в ограблении части керченских курганов.

Вероятно, для периода позднего средневековья, когда причерноморско-приазовские степи

1. Неоднократно высказывавшееся предположение о том, что грабителями скифских курганов могли быть сарматы, согласно легенде разгромившие и изгнавшие скифов в Северном Причерноморье, реальных доказательств не имеет [Граков, 1971, с. 71; Хазанов, Черненко, 1979, с. 20], как и сам разгром [Полин, 1992].

2. Конечно, с современных позиций содержимое хозяйственной Северной ниши Северной Гробницы 1 Гаймановой Могилы [Бидзиля, Полин, 2010, с. 87—94, 324—376, рис. 116—121, 458—498] представляет неоценимое сокровище. Однако, скифские грабители думали иначе, что лишний раз указывает на истинные мотивы ограбления.

входили в состав Дикого Поля и были практически безлюдными, можно предполагать спад грабительской деятельности. Но в приднепровской лесостепи, где сохранялось постоянное население, этот процесс, по всей видимости, не затихал практически никогда. В междуречье Ворсклы и Сулы зафиксировано ограбление почти 100 % скифских курганов VII—IV вв. до н. э. Единичные могилы, избежавшие ограбления, являются бедными, практически безинвентарными захоронениями. Первые ограбления здесь, как и везде, произошли еще в скифское время. Следующий период активного грабежа, по мнению А.Б. Супруненко, относится ко второй половине XVI—XVII вв., когда польские гарнизоны, нередко остававшиеся без жалования, занимались грабежом курганов¹. Наибольшего размаха ограбление курганов в лесостепи достигло в XVII в., когда многочисленные магнаты-промышленники (Бартоломей Обалковский, Иеремия Вишневецкий и др.) на окраинных землях Левобережья вели активную добычу селитры, прежде всего из грунта курганов. Огромные курганы в урочищах Скоробор, Саранчево поле, Осняги, а также валы Бельского городища, многочисленные курганы в Среднем Поворсклье стали объектами разработки при добыче селитры именно в это время [Супруненко, 2000]. В необъятных имениях Вишневецких существовала так называемая «селитренная держава» [Андриенко, 1971, с. 75—76]. Добыча селитры в эти времена непрерывных войн в Польше и России, вплоть до новейшего времени осуществлялась в государственных масштабах. Даже в XVIII в. т. н. буды по добыче селитры имелись в каждом левобережном козацком полку [Бакай, 1885, с. 734]. Можно предполагать, что в это время в лесостепи исчезло с лица земли значительное число крупных курганов. Несомненно, при этом разрушались и курганные захоронения. Имеется сыскное дело 1626 г. о находке селитренным мастером Романом Гавриловым в кургане возле Путивля значительного количества золотых «прутков», «персней», «пуговиц» и «иных мелких статей» [Оглоблин, 1893, с. 118—119].

После присоединения в результате русско-турецких войн степей Северного Причерноморья и Приазовья, в XIX в. происходило хозяйственное освоение новых территорий, в процессе которого курганы, и прежде всего скифские,

1. В описании Каневского замка 1552 г. содержится следующее: «Переказа от копачевъ. А еще переказуют уходом иным таковымъ же обычаемъ копачи з драбов, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопывають, ищущи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидывають, на помъсту за то живымъ и невиннымъ». По контексту драбы были людьми служивыми, составлявшими гарнизон Каневского замка [Архив, 1886, с. 103, 105; 1890, с. 45—46].

привлекали новое население наличием большого количества дефицитного в степях строительного материала — огромного количества камня. Так в 1830 г. при добыче камня из курганов была открыта царская гробница Куль-Обы, а в 1851 г. сделаны замечательные находки в кресте Александропольского кургана. Богатство керченских курганов привело к появлению в Керчи т. н. «счастливи́ков» — профессиональных грабителей курганов, кормившихся этим ремеслом (подробнее: [Мозолевский, Полин, 2005, с. 439—441]). В керченских курганах гробницы находились на уровне горизонта, их устройство было вполне понятным, как и вероятные способы их обнаружения.

В степях Северного Причерноморья скифские курганы устроены иначе — гробницы в них находятся глубоко в материке. И знакомство местного населения с устройством скифских курганов и возможностью обогащения в них происходило при официальных раскопках, так сказать «наглядно». Так, после раскопок Александропольского кургана в 1852—1856 гг., Чертомлыка в 1862—1863 гг., Огуза в 1891—1894 гг. на окрестных территориях происходило массовое возникновение и бурное развитие грабительской деятельности местных селян, ранее и не подозревавших о таких возможностях. Особенно прославился в этом отношении Н.И. Веселовский, после раскопок которого в недокопанных курганах (Огуз, Деев курган) при обвалах открывались ненайденные им обильные золотом неграбленные погребения, становившиеся добычей местного населения. После завершения официальных раскопок, и в особенности благодаря таким находкам, в этих местах вспыхивала «золотая лихорадка», при которой перекапывались сотни окрестных курганов ([Мозолевский, Полин, 2005, с. 435—438] — здесь история и литература вопроса).

Для советского периода в силу ряда причин, в том числе и полицейского свойства, ограбления курганов были сравнительно редким явлением. После развала Советского Союза и обретения Украиной независимости грабеж курганов и всех прочих видов археологических памятников повсеместно приобрел грандиозные абсолютные неконтролируемые размеры. В стране сложился черный рынок древностей, добытых грабительскими раскопками, вполне легально действуют интернет-аукционы, часть вещей контрабандой вывозится за рубеж и сбывается на различных антикварных аукционах. На современном этапе грабеж ведется на высоком организационном уровне с помощью современной поисковой аппаратуры. Среди представителей финансовой и политической элиты стало модным коллекционирование древностей. Появились и частные музеи древностей, состоящие из вещей, скупленных у грабителей.

2. КАК?

В степном Причерноморье известны *два типа* ограбления крупных скифских курганов.

Первый: копался вертикальный колодец у края кургана, чаще всего, с северной стороны, и после его некоторого углубления в материк, пробивалась наклонная штольня, направленная в центральное захоронение кургана. Как правило, ориентация грабительского хода по направлению и глубине бывают весьма точными. Иногда входной колодец грабительского хода точно «садится» сверху на входную яму или камеру впускного бокового захоронения, которое сверху, с поверхности насыпи кургана без знания точных координат обнаружить невозможно. Целиком вероятно абсолютная неслучайность таких сверхточных «попадааний». Известны случаи, когда грабительская штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные захоронения, что также нельзя считать случайностью. Все эти факты указывают на точное знание грабителями подкурганной планировки. Все обстоятельства указывают на то, что первый тип ограбления совершался в основном еще в скифское время. Так были ограблены Александропольский курган, Чертомлык, Огуз [Мозолевский, Полин, 2005, с. 431—433], первой и второй Мордвиновский курганы [Макаренко, 1916, с. 271], центральные гробницы Солохи [ОАК, 1912, с. 40—41], Гаймановой [Бидзиля, Полин, 2010, с. 139—141, рис. 27] и Толстой могил, Желтокаменная Толстая [Мозолевский, 1979, с. 49—51, рис. 2; 1982, с. 201—203, рис. 29], Водяна, Бабина и Соболева могилы [Мозолевский, Полин, 2005, 84, 108—113, 152, рис. 4; 27; 77], курганы 13, 15 и 22 в Золотобалковском могильнике [Полин, 2014, с. 65, 115—116, 172—173, рис. 23; 35; 51; 64; 92; 98; 99].

Ограбления первого типа датируются преимущественно скифским временем. Однако, есть и исключения. Через наклонную штольню из полы кургана был ограблен 2-метровый курган CDLXXXI у с. Капитановка на Черкащине. Кроме лошадиных и человеческих костей, в заполнении грабительского хода были найдены «кирпичи и предметы новейшего времени» [Бобринский, 1910а, с. 59]. Несомненна датировка ограбления XIX в.

Есть и пример повторного использования древнего грабительского хода в новейшее время. В Чертомлыке, входящем в четверку крупнейших курганов Скифии, ограбление было произведено в скифское время через боковую штольню, бравшую начало в северной поле кургана, в Северной впускной гробнице. В период первоначального заселения земель Новороссии, вероятно, в XVIII — начале XIX в., грабители повторно воспользовались тем же ходом [Мозолевский, Полин, 2005, с. 432—433].

Второй тип ограбления — вертикальный колодец копался непосредственно на вершине кургана. В Северном Причерноморье вершина кургана в подавляющем большинстве случаев находится точно над центральным захоронением и такой способ ограбления, даже при незнании местонахождения погребений под курганом, точно приводит к цели. Такие ограбления чаще всего являются повторными, произведенными уже после древних ограблений первого типа, как правило, в новейшее время. Они же являются и наиболее сокрушительными, когда разрушаются погребальные сооружения, а содержимое, иногда вплоть до последней косточки, выбрасывается наверх, на поверхность кургана, для тщательной переборки. В целом такие ограбления принято считать поздними, что часто вполне справедливо. Поздние ограбления иногда имеют твердую датировку XIX в. по вещам, утерянным грабителями [Мозолевский, Полин, 2005, с. 435]. В 8 Пятибратнем кургане на Нижнем Дону в заполнении грабительской воронки на вершине кургана найдены захоронения середины XIX в., на основании чего его ограбление датировано XVII—XVIII в. На позднюю дату ограбления указывает также неточность попадания грабительского колодца в цель. Грабители обнаружили лишь одно крайнее помещение большого погребального сооружения, по-видимому, не подозревая о существовании остальных камер [Шилов, 1961, с. 153—156, рис. 2].

Но правил без исключения нет. Имеются свидетельства ограбления вторым способом еще в древности. В Соболевой Могиле и в кургане 4 у с. Первомаевка грабительские колодцы в центре курганов перекрыты половецкими святилищами [Евдокимов, Купрій, 1991, с. 264; Евдокимов, Фридман, 1991, с. 75], что указывает на совершение этих ограблений ранее XII ст. Курган Верхний Рогачик высотой 11 м ограблен дважды — наклонным ходом из полы кургана и колодцем сверху. По мнению Н.И. Веселовского, удачливее был грабитель, шедший сверху, что, по-видимому, свидетельствует о несколько большей древности верхнего ограбления в сравнении с боковым [ОАК, 1913—1915, с. 133—134]. Раскопки Александропольского и Краснокутского курганов, Слоновской и Томаковской Близниц, Каменной Могилы были первыми раскопками скифских курганов в причерноморских степях, производившимися вскоре после заселения края, когда еще ничего не было известно об устройстве и содержимом здешних курганов. По этому и ряду других признаков можно считать, что ограбления вертикальным колодцем сверху, зафиксированные в этих курганах, были совершены еще в древности.

В больших курганах нередки двойные ограбления, осуществленные обоими способами, и ограбления второго типа в них стратиграфичес-

ки являются более поздними (Александропольский курган¹, Огуз², Желтокаменская Толстая Могила, Бабина и Соболева могилы, курган 13 Золотобалковского могильника, Башмачка³ и др.). Мелкие курганы и в скифское время, и позднее грабились вторым способом.

3. С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ?

Курганы в Северном Причерноморье начали грабить с тех пор, как среди вещей, сопровождавших погребенных в потусторонний мир, начали помещать изделия из драгоценных металлов в достаточно ощутимых количествах [Мозолевский, Полин, 2005, с. 427]. Хотя еди-

1. В Александропольском кургане кроме ограблений вертикальным колодцем с вершины насыпи и из северо-восточной доли кургана боковой штольной, имеются и некие загадочные штольни в северо-западном секторе. Из северо-западной доли кургана в центр были направлены две почти параллельные наклонные штольни, заканчивавшиеся, несколько не доходя до центральной могилы кургана, значительно глубже нее, на уровне почвенных вод [ДГС I, Атлас, табл. I, мины № XIV, XV]. Эти ходы традиционно считаются грабительскими. И.Е. Забелин полагал, что эти мины, направленные к центральной гробнице чрезвычайно верно, не достигли цели потому, что были ошибочно направлены слишком глубоко, значительно ниже подземных сооружений кургана, и врезались в водоносные слои [ДГС I, с. 25]. Однако, такие ошибки просто невозможны для грабителей скифского времени и, по-видимому, данные штольни к ограблению не имеют отношения. В больших сакских курганах Казахстана в кургане 3 могильника Уштобе и Бешатырских курганах 3 и 6 обнаружены подобные ходы-штольни высотой до 2 м, синхронные захоронениям в курганах. Они не связаны с погребениями, имеют сложную планировку и очень тщательно отделаны - входы оформлены бревенчатыми окладами, тщательно оформлены своды, устроены специальные ниши для светильников. По мысли Р.Б. Исмагилова эти ходы служили местом проведения брачных действий, отражая концепцию кругооборота жизни и смерти, символа единства жизни и смерти [Исмагилов, 1992, с. 34—35; Акишев, Кушаев, 1963, с. 62]. Трудно сказать, какие церемонии совершались в загадочных штольнях Александропольского кургана, но то, что какие-то действия там производились, свидетельствуют находки костей животных [Мозолевский, Полин, 2005, с. 431].

2. В 20-метровом Огузе Центральный склеп кургана ограблен трижды: дважды грабители проникли в склеп по подземному дромосу сбоку кургана и один раз вырыли вертикальный колодец с вершины кургана. О его существовании также свидетельствовала впадина на вершине [ОАК, 1891, с. 72; 1894, с. 9—10]. Не избежали ограбления и впускные захоронения кургана [Болтрик, Фіалко, 1991], что, безусловно, свидетельствует о совершении ограбления современниками, знавшими точное местонахождение впускных погребений в огромном кургане.

3. Курган Башмачка ограблен дважды — наклонным ходом из доли кургана и колодцем с вершины [Спицын, 1901, с. 78], по-видимому, в скифское и в новое время.

ничные золотые и серебряные изделия в нашем регионе впервые появляются в погребениях ямной и катакомбной культур эпохи энеолита и средней бронзы, однако, практика ограбления курганов возникает в более позднее время. Погребения ямной и катакомбной⁴ культуры ограблению не подвергались. Мне известен единственный факт ограбления погребения ямной культуры в кургане у с. Ново-Алексеевка (Лазурное) Скадовского р-на Херсонской обл. (раскопки Е.В. Черненко в 1975 г.). Однако, это ограбление позднее и случайное. Грабители новейшего времени, введенные в заблуждение солидными размерами кургана (высота 5 м), по-видимому, посчитали курган скифским и прокопали вертикальный колодец на вершине и таким образом попали на первичное захоронение ямной культуры в центре кургана. Ограбления погребений катакомбной и срубной культур эпохи средней и поздней бронзы в Северном Причерноморье неизвестны.

Однако, курганы единственного в своем роде могильника XIV—X вв. до н. э. у с. Гордеевка в Побужье, видимо, связанного по происхождению с Подунавьем, насыщенного ценными импортными изделиями, безусловно были ограблены современниками похорон [Березанська, Лобай, 1994, с. 150]. Ограбленными в древности оказались и все богатые захоронения в курганном могильнике белозерской культуры XI—X вв. до н. э. у с. Степное в Запорожской обл., в то время как остались непо потревоженными все бедные захоронения этого могильника, что недвусмысленно указывает на причастность к этому современников [Отрощенко, 1975, с. 193]. Аналогичные факты известны и для киммерийского времени [Черняков, 1977, с. 33].

Таким образом, изначально были прежде всего корыстные мотивы ограбления. Именно корысть была главным мотивом грабителей скифских курганов во все времена — и в древности в скифское время, и в средневековье, и в новое время, и в особенности в наши дни. В скифских курганах Северного Причерноморья мы видим изобилие золота, несопоставимое по количеству и качеству ни с одним другим народом, когда-либо обитавшим в этом регионе. Необходимо учесть, что сохранившееся в музеях огромное количество скифского золота⁵ явля-

4. В катакомбной культуре известно немало погребений с захоронениями расчлененных скелетов, где захоронены разделенные кости человека, сложенные в относительном порядке. Возможно, это перенос костей умершего «на родину», возможно, захоронение скелета человека, по каким-то экстраординарным причинам оставшегося незахороненным и совершенное впоследствии.

5. Прежде всего в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, где хранится богатейшая коллекция скифского золота из курганов Северного Причерноморья, раскопанных на протяжении XVIII — начала XX в., не менее богатой

ется лишь самой незначительной частью, случайно уцелевшей от грабителей, настойчиво опустошающих скифские гробницы на протяжении более 2500 лет. Совершенно очевидно, что в скифское время в живом обороте и попадало в скифские курганы в виде различных изделий фантастическое количество благородного металла¹. Что полностью соответствует легендарным представлениям древних греков о Причерноморье и далеких северных странах, всегда ассоциировавшимся с изобилием золота. Миф об аргонавтах, совершивших отважное путешествие в Колхиду за золотым руном, является наиболее ранним свидетельством добычи золота на Кавказе. Сюжет о грифонах в далеких Рипейских горах, стерегущих золото от падких до него людей, отражен в творчестве ряда греческих и римских авторов. В этих горах предполагается Урал, Кавказ, Алтай или даже Карпаты. Как полагал Л. Стефани, далекая северо-восточная Скифия (в широком смысле) служила вторым главным источником золота для греков [Стефани, 1864, с. 51—54; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 220, 257, прим. 181, 250].

Для целого ряда культур степного и лесостепного пояса Евразии различные нарушения захоронений, как-то: частичное или полное разрушение скелета, частичное изъятие костей скелета или значимых категорий сопровождающих вещей рассматривается как проявления обряда обезвреживания покойников. О существовании такого обряда у некоторых народов известно по данным этнографии. Так по представлениям алеутов пока тело погребенного оставалось неповрежденным, оно продолжало быть членом родной общины и являлось потенциально опасным для человека, убившего его. Расчлененные тела теряли силу, заключенную в теле [Лафлин, 1981, с. 33—44].

В могильниках черняховской культуры Северного Причерноморья и раннесредневековых кочевников на Волге, Каме, Дону, Северном Кавказе и в Нижнем Подунавье как будто прослежен ритуал обезвреживания покойников, заключавшийся в проникновении в могилы с целью нарушения или уничтожения скелета и (или) изъятия части вещей [Сымонович,

1963, с. 57—59; Флеров, 1989, с. 177—186; 1992, с. 29—32; 1998, с. 138]. То же предполагается для синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы Южного Урала, где ограбленные и потревоженные погребения составляют 47 % [Нелин, 2001, с. 317—321]. Сходные объяснения предполагаются и для захоронений раннего железного века в Горном Алтае, где помимо банального грабежа, имевшего место во все времена, предполагаются и другие мотивы, такие как осквернение захоронений, месть ушедшему в иной мир человеку, или какому-либо конкретному клану, или «обычай приобщения», когда новые мигранты сооружали рядом свои курганы, либо погребали своих покойников впускными в более ранние инокультурные курганы, при этом, однако, не тревожа более ранние захоронения, или «обычай замещения», когда в более ранние курганы на место предшественников укладывали своих покойников и при этом более древнее захоронение разрушалось частично или полностью [Суразаков, 1999, с. 171—173]. Предлагается также объяснение массовости ограблений курганов в скифское время в результате длительного процесса периодического активного физического общения живых и мертвых, или как это называется в северных мифологиях, «путешествия к обитателям курганов» [Жук, 1990, с. 62; Савинов, 1992, с. 109; Курочкин, 1993, с. 30].

Все это предполагается и для скифских курганов Северного Причерноморья [Хазанов, Черненко, 1979, с. 24—26]. Однако, достоверно установить такой обряд при раскопках практически невозможно. Мой собственный многолетний опыт раскопок говорит о том, что погребения всех времен и народов активно подвергались воздействию различных видов землероев, сами погребения нередко использовались для устройства нор, как мелкими, так и более крупными животными (лисы и т. п.), что приводит к частичному или полному разрушению скелета или (и) исчезновению отдельных костей или вещей². Поэтому считать, что разрушение ске-

коллекции в Музее исторических драгоценностей Украины в Киеве, где хранятся находки из раскопок курганов в Украине с 1954 до середины 1980-х гг. и немного из старых раскопок XIX — начала XX в. из коллекции Ханенко, а также в Фондах ИА НАН Украины, где хранятся находки из раскопок начала 1980-х гг. — 2009 г., а также еще в нескольких музеях Украины и мира в неизмеримо меньших количествах.

1. Даже в весьма небогатых скифских захоронениях, избежавших ограбления, нередко присутствует минимальный набор золотых вещей из пары перстней, сережек и ожерелья или бус, либо что-то одно из перечисленного.

2. В кургане 5 у с. Владимировка в Приазовье в погребении ямной культуры 2 у скелета отсутствовали череп и кисти рук, малая берцовая кость правой ноги была смещена. Все погребение изрыто норами землероя. При этом бронзовый нож, крайне редкая находка в погребениях ямной культуры Северного Причерноморья — Приазовья, был найден в стенке погребения в одной из нор на расстоянии примерно 0,3 м от погребения [Полин, Черных, 2009, с. 39, рис. 1, 3—4]. Безусловно, все это является результатом активной деятельности грызунов и ни о каком ограблении или обряде обезвреживания не может быть и речи. И другой пример. На территории лесостепной Черкасской обл. в Золотоношском р-не практически все погребения ямной культуры как первичные, так и впускные имеют незначительную глубину — прорезают лишь толщу погребенного чернозема и углубляются в материк всего на 0,1—0,3 м. Практически все они в большей или меньшей сте-

лета, или смещение отдельных костей, и даже их отсутствие, является результатом обряда обезвреживания, а не работы животных нет ни малейших оснований. Вероятность такого объяснения в Северном Причерноморье возможна лишь теоретически.

Яркое косвенное свидетельство дает курган 13 у с. Золотая Балка на Херсонщине, в насыпи которого, в крепиде и в закладе одного из погребений найдены скифская антропоморфная стела с изображением воина со всеми атрибутами, разбитая надвое, и часть ее постаменты. Безусловно, данные находки свидетельствуют о свержении этой стелы с более раннего скифского кургана и использование ее в разбитом виде в кургане новых владельцев данной территории с целью унижения прежних хозяев, их дезавуирования, и утверждения собственного господства [Полин, 2014, с. 51—53, 59, 61, 188, кат. 39, рис. 33, 10]. Вполне можно предполагать, что свержение стелы с этого кургана сопровождалось и осквернением погребений в соседних курганах, принадлежавших предшественникам.

Однако, достоверно выделить эпизоды, связанные именно с такими действиями, абсолютно невозможно, поскольку все нарушения скифских гробниц в Северном Причерноморье сопровождалось сокрушительным ограблением погребения, изъятием из него максимального количества драгоценных изделий, за малым исключением случайно незамеченных или утерянных в процессе ограбления, и частичным или полным разрушением скелета. Встречающиеся случаи слабых ограблений скифских гробниц объясняются тем, что такие ограбления производились уже после обвалов катакомб, когда грабителям в поисках добычи с риском для жизни приходилось переклаивать горы обвалившегося грунта, когда физически невозможно было сколько-нибудь полное извлечение драгоценных вещей, в том числе и относительно крупных. Самый яркий пример — находки в центральной гробнице Толстой Могилы, где пектораль, меч в золотых ножнах, нагайка с золотой обмоткой и некоторые другие ценные вещи были сложены в

пени разрушены норами землероев, нередко многие кости отсутствуют, особенно в детских погребениях (раскопки С.А. Беляева в 1983 г.). Такие же особенности погребений ямной культуры в Золотоношском и соседнем Чернобаевском р-не на левом берегу и в Монастырищенском на правом отмечены и работами других экспедиций (раскопки Е.В. Черненко, А.В. Симоненко, С.Я. Ольговского, С.В. Полина).

очень необычном месте, — в стороне от скелета, ближе к входу в катакомбу, в дромосе, — и, будучи скрытыми обвалом потолка, остались незамеченными грабителями, которые не могли предположить подобное расположение вещей и даже не искали в этом районе [Мозолевский, 1979, с. 53—54, рис. 31, 6—12]. В огромной обвалившейся катакомбе впускной женской гробницы Мелитопольского кургана при раскопках из грунта обвалов извлечено 3904 ед. мелких золотых изделий общим весом 1595,915 г при отсутствии крупных изделий, которые грабителям, видимо, все же удалось изъять [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 342]. В Александропольском кургане после ограблений¹ не осталось крупных изделий, однако, в заполненных обвалами погребальных сооружениях кургана было найдено более 5000 единиц мелких золотых изделий общим весом более 3,5 кг, не считая множества предметов из иных металлов с золотым покрытием [Полин, 2017].

И с другой стороны — в огромном курганном могильнике Мамай-гора в Запорожской обл. в исследованных на протяжении 1988—2008 гг. 171 скифском кургане неограбленными оказались 187 погребений из 355 погребений или 53 % общего числа скифских погребений² [Андрух, Тощев, 1999, с. 173—179; 2004, с. 114, 138—140; 2009, с. 52—116, 183—198; Андрух, 2001, с. 225—239], что существенно образом не соответствует привычным представлениям. В чем же здесь секрет? Дело в том, что могильник Мамай-гора оставлен беднейшим скифским населением, сосредотачивавшемся в V—IV вв. до н. э. в окрестностях Каменского городища на краю днепровского Великого луга. Данные по Мамай-горе безусловно свидетельствуют, что основным мотивом ограбления скифских курганов в скифское время (а именно к этому времени относятся ограбления курганов на Мамай-горе — [Андрух, 2000, с. 114]) все же была корысть. Все остальные вполне вероятные предполагаемые мотивы ограблений полностью скрываются возможностью элементарной поживы и выделить их не представляется возможным.

1. Хотя картина ограбления Александропольского кургана далека от ясности, его неоднократность сомнений не вызывает.

2. По состоянию на 2009 г. Последняя опубликованная цифра — 175 скифских курганов, содержащих 358 погребений [Андрух, Тощев, 2012, с.486]. Раскопки могильника продолжаются по сегодняшний день.

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. — Алма-Ата, 1963. — 298 с. + 11 табл.
- Андриченко В.П. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник Харківського Університету. — Харків, 1971. — Т. 62: Історія. — Вип. 5. — С. 65—76.
- Андрух С.И. Могильник Мамай-гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. — М, 2000. — С. 110—120.
- Андрух С.И. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2001. — Кн. 2. — 282 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 1999. — Кн. 1. — 231 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2004. — Кн. 3. — 201 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 2009. — Кн. 4. — 310 с.
- Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник скифского времени Мамай-Гора // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. — Krakow, 2012. — С. 485—490.
- Артамонов М.И. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М.; Л, 1935. — № 1—2. — С. 142—164.
- Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. — К., 1886. — Ч. 7, т. 1. — 746 с.
- Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. — К., 1890. — Ч. 7, т. 2. — 863 с.
- Ашик А. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. — Одесса, 1848. — Ч. 2. — 88 с. + 11 л. ил., план.
- Бакай Н. Южно-русский дворянин XVIII века // Киевская старина. 1885. — Т. XI. — С. 717—742.
- Барбаро и Контарини о России. — Л, 1971. — 275 с.
- Березанська С.С., Лобай В.І. Курганний могильник бронзової доби поблизу с. Гордіївка на Південному Бузі // Археологія. — 1994. — № 4. — С. 148—153.
- Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. — 1960. — Т. 9. — С. 39—87.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2010. — 814 с.
- Бобринский А.А. Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. // ИАК. — 1910а. — Вып. 35. — С. 48—60.
- Бобринский А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. // ИАК. 1910б. — Вып. 35. — С. 61—85.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Огуз — курган скіфського царя кінця IV ст. до н. е. // Золото степу. Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — С. 178—180.
- Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. — М, 1876. — 118 с.
- Граков Б.Н. Скифы. — М, 1971. — 168 с. + 28 табл.
- ДГС I — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. — СПб, 1866. — Вып. I. — 28 с. + приложение С. I—XVI.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М, 1982. — 455 с.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. — К., 1991. — С. 72—97.
- Евдокимов Г.Л., Купрій Н.М. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я // Золото степу. Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — С. 264—268.
- Жук А.В. Курганние жители и путешествия к ним (по отчетам графа А.А. Бобринского 1901—1912 гг.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — Л., 1990. — С. 62—65.
- Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. — М, 1908. — Ч. 1. — 703 с.
- Исмагилов Р.Б. Об одном сакском обряде // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. пам. А.И. Тереножкина. — Мелитополь, 1992. — С. 34—35.
- Каменецкий И.С. История изучения меотов. — М., 2011. — 383 с.
- Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. — К., 1973. — С. 253—265.
- Косьяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.). — Азов, 2008. — 542 с. (Донские древности. — Вып. 9).
- Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. — 1982. — № 1. — С. 238—246.
- Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Петербургский археологический вестник. — 1993. — Вып. 6. — С. 27—31.
- Лафлин У.С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М, 1981. — С. 33—50.
- Макаренко Н. е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. — 1916. — № 12. — С. 267—272.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 248 с.
- Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 179—222.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). — К., 2005. — 599 с.
- Самковасов Д. Могила русской земли. — М, 1908. — 276 с.
- Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара, 2001. — С. 317—321.
- ОАК за 1891 г. — СПб, 1893. — 187 с.
- ОАК за 1894 г. — СПб, 1896. — 171 с.
- ОАК за 1912 г. — СПб, 1916. — 130 с.
- ОАК за 1913—1915 г. — Пг, 1918. — 295 с.
- Оглоблин Н.Н. «Сыскные дела» окладах в XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. — К., 1893. — Кн. 7. — С. 115—154.
- Отрощенко В.В. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. — К., 1975. — С. 193—206.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992. — 201 с.
- Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 774 с.
- Полин С.В. Александропольский дракон // Сборник памяти В.А. Ромашко. — Днепрпетровск, 2017. — В печати.

Полін С.В., Черных Л.А. Конструктивные особенности первичных насыпей ямных курганов у с. Владимировка и у г. Орджоникидзе // Проблемы археологии Подніпров'я. — 2009. — Вип. 9. — С. 37—48.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л., 1960. — 358 с. + 78 табл.

Савинов Д.Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан и церемониальный центр кочевников Тувы // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. — СПб, 1992. — С. 108—112.

Смирнов К.Ф. Курганы біля м. Великого Токмака // АП УРСР. — 1960. — Т. 8. — С. 164—189.

Спицын А.А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринбургского уезда // ИАК. — 1901. — Вып. 1. — С. 69—79.

Стефани Л. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК за 1864 г. — СПб, 1865. — С. 3—246.

Супруненко О. До питання про пограбування курганів на Полтавщині за козацької доби // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. — 2000. — Вип. 9. — С. 86—91.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1999. — С. 171—173.

Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. — 1963. — № 1. — С. 49—60.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 260 с.

Флеров В. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 117—126.

Флеров В.С. О методике раскопок могильников с обрядом обезвреживания погребенных // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. — Липецк, 1992. — С. 123—127.

Флеров В.С. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I—VIII вв. // Проблемы археологии Юго-восточной Европы: VII Донская археол. конф. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 92—94.

Хазанов А.М., Черненко С.В. Час і мотиви пограбування скифських курганів // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 18—26.

Черняков И.Т. Киммерийские курганы близ устья Дуная // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 29—36.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. — 1961. — № 1. — С. 150—168.

С.В. Полін

ПРО ПОГРАБУВАННЯ СКІФСЬКИХ КУРГАНІВ В ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'І

Переважаюча більшість скифських курганів Північного Причорномор'я пограбована. Хто, коли і з якою метою грабував скифські кургани в Північному Причорномор'ї?

Скифські кургани Північного Причорномор'я грабувались протягом всього періоду їх існування, насамперед їх сучасниками, можливо безпосередніми свідками і учасниками поховальних церемоній або їхніми найближчими нащадками, які мали точну інформацію про топографію поховань і наявність в них дорогоцінних речей. Надзвичайно інтенсивно

пограбування скифських курганів відбувається в наші дні.

Кургани в Північному Причорномор'ї почали грабувати з того часу, коли в складі супроводжуваних речей почали з'явитись вироби з дорогоцінних металів в достатній кількості. Головними, якщо не єдиними, були, є і будуть корисні мотиви пограбування скифських курганів на всі часи. В курганах скифів ми спостерігаємо надзвичайну кількість золота, незрівняну за кількістю та якістю з жодним іншим народом, будь-коли жившим в цьому регіоні.

Для цілого ряду культур степової та лісостепової зони Євразії різноманітні порушення поховань, а саме: часткове або повне руйнування скелета, часткове видалення окремих кісток скелету або значущих категорій супроводжуваних речей розглядається як прояви обряду знешкодження мерців. Все це припускається і для скифських курганів Північного Причорномор'я. Проте, з об'єктивних обставин достовірно виявити такий обряд при розкопках скифських курганів практично неможливо.

Ключові слова: скифи, кургани, грабіжники, пограбування курганів, мотиви пограбування.

S. V. Polin

ABOUT THE ROBBERY OF SCYTHIAN KURGANS IN NORTHERN BLACK SEA COAST

The overwhelming majority of Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast is plundered. Who, when and for what purpose plundered Scythian kurgans in Northern Black Sea Coast?

Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast were plundered throughout all period of their existence, first of all by their contemporaries, probably direct witnesses and participants of funeral ceremonies or their nearest descendants, having the exact information on topography of burials and presence in them of precious things. Rather intensively the robbery of Scythian kurgans occurs today.

Kurgans in Northern Black Sea Coast have started to plunder since among the things accompanying buried in the other world, have started to place products from precious metals in enough notable quantities. Mercenary motives were the main occasion of a robbery of Scythian barrows in Northern Black Sea Coast always. In kurgans of Scythians of Northern Black Sea Coast we see the abundance of gold non-comparable by quantity and quality with one other people, ever living in this region.

For many archaeological cultures of a steppe and forest-steppe belt of Eurasia various infringements of burial places, somehow: partial or skeleton final fracture, partial withdrawal of bones of a skeleton or significant categories of accompanying things is considered as display of a ceremony of neutralisation of dead men. All it is supposed and for Scythian kurgans of Northern Black Sea Coast. However, for the objective reasons authentically to establish such ceremony at excavation of Scythian barrows it is impossible.

Keywords: Scythians, kurgans, robbers, a robbery of kurgans, motives of a robbery.

Одержано 1.03.2017